

В гимназии я сидел за одной партой с мальчишкой по имени Никита. У него была жестокая белогвардейская судьба. В одной камере с матерью отсидел год в тюрьме, облаченный в мешок из-под картошки... После освобождения – из-за развившейся дистрофии – целый день проводил на улице вместе с чистильщиками обуви, зарабатывая на кусок хлеба... Но унижения не сломили в нём чувство достоинства. Разговаривал на четырех языках, однако некоторые наши уроки оставались для него неясными. Спрашивал меня, например, что значит «*О, неразумни юроре, поради что се срамшиш да се наречешь българинъ и не четшиш по свои азикъ*» (О, неразумный юрод, отчего ты стыдишься нарекаться болгаринном и не читаешь и на своём языке?)²

Мне стало стыдно, и я не мог ему толком объяснить.

– Почему?! Да потому... что у нас нет истории.

– Не понимаю. Ведь Болгария хранит прошлое нескольких народов.

– Э-э-э, тебе легко так говорить. Ты ведь князь Лобанов-Ростовский!

– Быть князем совсем нелегко. Особенно сегодня. Мои предки стали князьями, потому что стремились стать ими. Никто не подарил им этого титула. Сами создали Ростовское княжество. Присоединили княжеский титул к своему имени. Утвердили его. И уже никто не может отнять его у меня. Могут арестовывать, освобождать из тюрьмы, но моё княжеское достоинство остается во мне.

В сущности, это должно быть кредо для каждого. Для нации также. Когда заходит речь о порабощении нашего народа, я сразу же вспоминаю эту русскую фамилию, которая мелькает и в болгарской истории.

Родоначальником её считается Иван Александрович, по прозвищу Лобан, живший в конце XV века. Но родословие Лобановых ведётся от Рюрика, через ветвь великого князя Юрия Долгорукого к князьям Ростовским.

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758–1838) службу начал при Екатерине II, в её царствование дослужился до звания бригадира, военную службу закончил в чине генерала от инфантерии и в 1817 г. назначается министром правосудия.

¹ Подбор иллюстраций, комментарии и примечания к статье сделаны переводчиком.

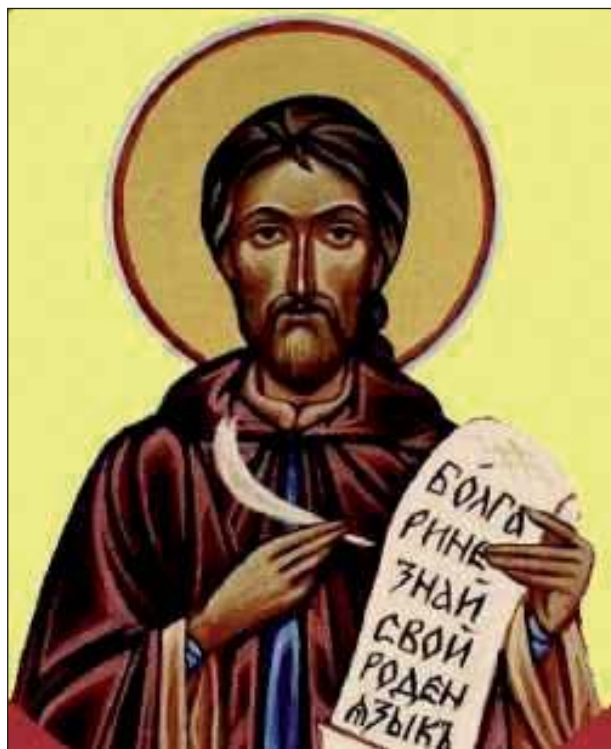
² Слова эти принадлежат Св. Отцу Преподобному Паисию Хилендарскому (1722–1773) – болгарскому будителю и духовнику, основоположнику Болгарского возрождения. Канонизирован Болгарской православной церковью в 1962 г. Один из его братьев Лаврентий был игуменом Хилендарского монастыря на Афоне, в который в 1745 г. удалился 23-летний Паисий и где он принял монашеский постриг. В 1762 г. написал «Историю славяно-болгарскую» – книгу, укрепившую христианскую веру и пробудившую национальное самосознание порабощенного болгарского народа». В ней и были изречены вышеприведенные слова.

*«Атака Лейб-гвардии Гусарского полка при селе Теличи», Русско-турецкая война 1877–1878.
Худ. Виктор Мазуровский. Холст, масло*

*Князь Д.И. Лобанов-Ростовский. 1820–1830.
Неизвестный художник
Этот файл находится на Викискладе.*

*Лик Святого Паисия
на иконе*

Паисий Хилендарский и Екатерина Великая живут в одну и ту же эпоху, но кажется, что обитали на двух разных планетах. В тот период, когда Екатерина Великая утвердилась в качестве абсолютного монарха, следы «невероятного» болгарского монаха теряются.

Одержимая имперскими амбициями, коронованная дама поручает своим историкам подготовить несколько докладов об истории славянских народов. Как говорят, в первом из них о болгарях сказано «народ, уже исчезнувший». Пожалуй, это и было дном забвения. После такой исторической смерти оживание стало чудом, сотворенным Божьими сынами – народными «будителями» и деятелями болгарского Возрождения... И мне хочется заявить:

Болгарскую Освободительную войну объявил не кто иной, как Преподобный Паисий. А наше Возрождение – первый акт этой страшной и героической драмы.

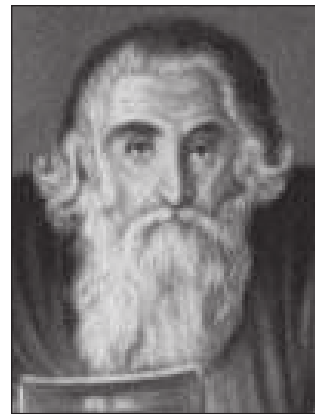
В 1859 г. послом России в Царьград¹ назначается князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Содержание его дипломатических донесений министру иностранных дел России князю Горчакову исключительно интересно. Деятельность Алексея Борисовича на посту главы дипломатической миссии многообразна: он способствует изданию болгарских газет, содействует основанию греческих школ в Кукуше (греч. Килкис), Охриде, Салониках. Сопричастен к разрешению сложных перипетий церковного вопроса. Перебрасывает в Россию семьи болгарских подвижников, которым угрожали тюрьмы Диарбекира...

Самое сильное впечатление на меня произвело его сообщение от 21 марта 1861 года:

«Князь, вчера ко мне явился один болгарин, назвавшийся Стойковичем, которого я совсем не знал (ничего удивительного – историки также не знают, кем он был – Н. В. автора). Сказал, что был рожден в Ески Заара, бежал в Сербию и как представитель своих соотечественников был послан в Царьград. Цель этой его поездки – сплотить воедино болгар в преддверии восстания, готовящегося по всей Турции». Далее следуют любопытные сведения о количестве вооруженных защитников и местах их средоточения. «Полное неведение о личности и прошлом моего собеседника заставляли меня держаться с ним сдержанно и осторожно. Я ответил ему, что, на мой взгляд, одно вооруженное восстание не способно существенно улучшить положения христиан и что, по-моему, предпочтительней терпеливо ждать проведения реформ. Стойкович возразил мне, что подобный совет о воздержании, умеренности и терпении был дан ему в Петербурге в 1859 году. Но вопреки этим уверениям, сказал он мне, ничего не было сделано для того, чтобы улучшить нашу участь. Напротив, она ухудшается с каждым днём. Мы уже не верим, что можем чего-нибудь добиться с помощью Европы и твёрдо решили взяться за оружие, чтобы свергнуть ненавистное иго... (Слова эти достойны мировоззрения дьякона Василия Левского – Н. В. автора). Мы продолжали бы ждать и дальше, если б сами обстоятельства не вынуждали нас действовать быстрее. Католики, используя наши разногласия с греками, пытаются привлечь болгар к унии с Римом. Опасение, что единение нашего народа может распасться, и вынуждает нас приблизить момент освобождения. Так что мы решили в апреле подать сигнал к восстанию».

Здесь меня поражают два факта: призрак Апрельского восстания появился на 15 лет раньше, чем оно вспыхнуло и трогательная озабоченность тех прежних болгар возможностью распада народного единения. Озабоченность, которую ныне никто не зарождаёт в нас. А как раз наоборот.

«Так как Стойкович говорил мне, что всё делается от имени России, я спросил его, по какому праву они ссылаются на её покровительство, не получив на то позволения? Ответ его весьма характерный: «Мы убеждены, что Россия не может сделать для нас меньше того, что Франция сделала для Италии».

Прижизненное изображение Паисия

¹ Князь Д.И. Лобанов-Ростовский (1758-1838) был пожалован в генералы-от-инфантерии и Александровской звездой после подготовки, заключения и подписания Тильзитского мирного договора (в период с 13 (25) июня по 25 июня (7 июля) 1807) с Наполеоном, который также удостоил князя ордена Почетного Легиона и подарками. С 1 января 1808 по 2 февраля 1809 был Петербургским военным губернатором. После генерал-губернаторство в Лифляндии (с 1810 по 1812 гг.). Во время Отечественной войны князю Лобанову было поручено формировать резервные дивизии, в 1815 г., он был назначен командиром пограничной резервной армии. 25 Марта 1815 г. получил Владимирскую ленту, 16 декабря того же года назначен членом Государственного Совета, а 27 Апреля 1814 года пожалован Андреевской звездой. 25 августа 1817 г. Лобанов назначен Министром Юстиции.

Боже мой, кто скрывается за этим, вероятно, конспиративным именем Стойкович!? Кто этот благородный и прозорливый болгарин? Почему же мы не знаем его?! – Не потому ли, что «Эпопея» дедушки Вазова¹ – лишь ничтожная часть всех забытых. А сегодня начинается и второе забвение.

22 июня 1859 г. Иван Тургенев с огромным воодушевлением принялся писать «Накануне». И все-таки за четыре месяца завершает своё повествование. Это именно тот период, когда Стойкович, по его словам, находился в Петербурге. Не подумайте, что мной овладела безумная мысль, будто Стойкович и стал прототипом Инсарова. Мне хорошо известно, что Тургенев пользовался записками своего соседа и что прототипом Инсарова был болгарский студент Никола Катранов из г. Свиштов².

О настоящих взглядах Катранова известно гораздо меньше, чем о таинственном изгнаннике из Ески Заара. Важно, что «инсаровы» существовали. Под своими именами или вымышленными, они действительно стали героями своего времени. Они будоражили совесть своих современников. В них влюблялись красивые русские аристократки...

Нужно знать и помнить об этом, чтобы понимать смысл истории. Знать, не забывать и СЛОВО Паисия.

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский после окончания Апрельского восстания и Русско-турецкой Освободительной войны был повторно направлен в Константинополь (1878–1879), на сей раз в ранге чрезвычайного и полномочного посла. Затем в том же ранге – в Лондон (1879 – 1882) и Вену (1882 – 1895). 6/18 января 1895 г. был определён послом в Берлин. Но не успел приступить к своим обязанностям – 28 февраля 1895 г. молодой царь Николай II назначает его на пост министра иностранных дел. На этом посту князь Алексей Борисович оставался недолго, в августе 1896 г. он умирает в царском поезде по дороге к неизвестному...³

Неизвестно и мне, получил ли Князь за свои заслуги перед нашей страной какую-нибудь благодарность от созданного его тщанием болгарского государства. Но после Октябрьской революции, спасаясь от большевистского террора, его близкий родственник князь Дмитрий Иванович Лобанов-

¹ Эпопея забытых» цикл из 12 поэм, объединенных под этим заголовком, которые создавались Иваном Вазовым в течение 1881-1884 гг. Это был период, когда «героизм и жертвы Русско-турецкой освободительной войны стали тонуть в забвении <...> Но тут появляется Вазов и воскрешает из мрака прошлого исторические личности, начиная с Паисия Хиландарского к Георгию Бенковскому, Василиу Левскому, Георгию Раковскому и Ополченцам Шипки». Воспевая им оды, призывает их образами к «пробуждению народной памяти». **Источник:** ХЕЛИКОН: <https://www.helikon.bg/>

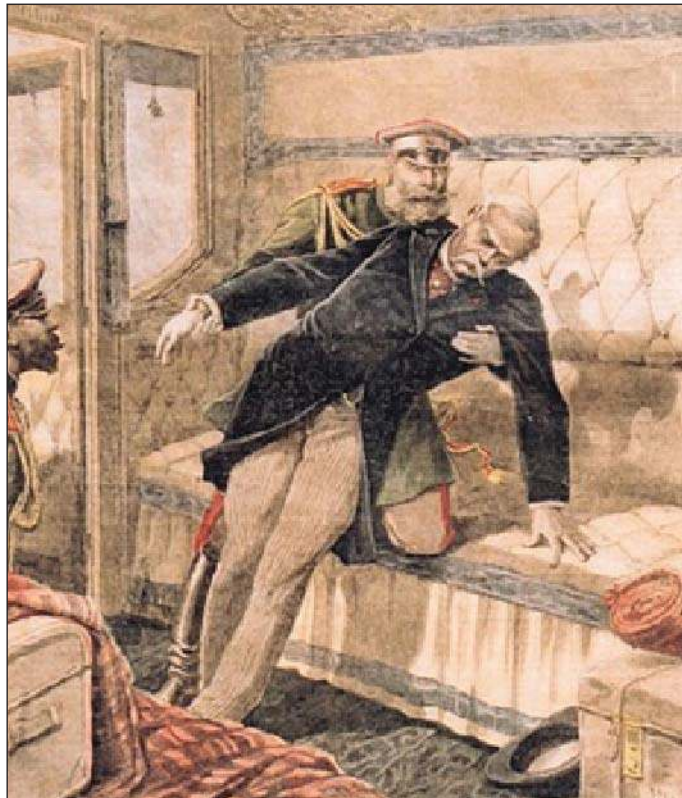
² В 1855 году сосед Тургенева по Мценскому уезду, помещик Василий Каратеев, отправлявшийся в Крым в качестве офицера дворянского ополчения, оставил писателю рукопись автобиографической повести, разрешив ему распорядиться по собственному усмотрению. В повести рассказывалось о любви автора к девушке, которая предпочла ему болгарина – студента Московского университета. Позже учёные нескольких стран установили личность прототипа этого персонажа. Этим человеком был Николай Катранов. Он приехал в Россию в 1848 году и поступил в Московский университет. После того, как в 1853 году начинается русско-турецкая война, а среди болгарской молодёжи оживает революционный дух, Катранов с русской женой Ларисой возвращается в родной город Свиштов. Его планам, однако, воспрепятствовала вспышка скоротечной чахотки, и он скончался во время лечения в Венеции в мае того же года. **Источник:** Лебедев Ю. Тургенев. Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 1990.

³ О смерти Лобанова-Ростовского Витте в своих мемуарах написал:

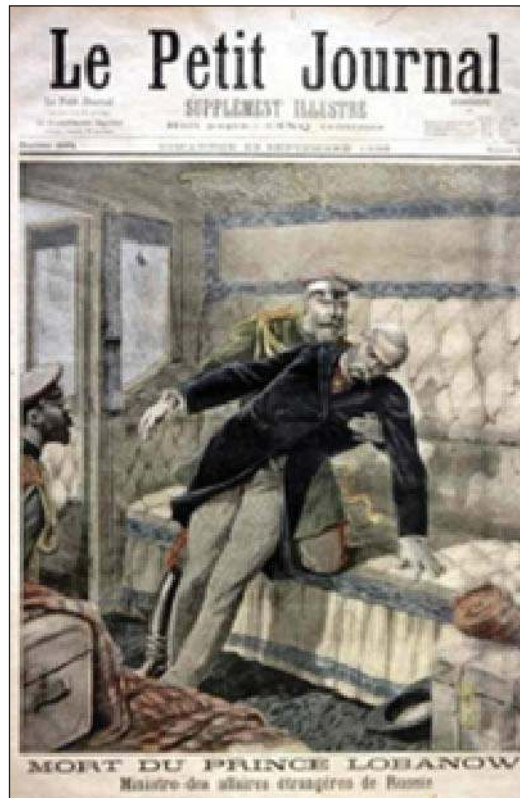
«13-го августа Его Величество изволил отправиться из Петергофа в Вену сделать визит престарелому Императору Францу-Иосифу. В Вене Его Величество был два дня; затем из Вены прибыл в Киев. Дорогою, недалеко от Киева, бедный князь Лобанов-Ростовский умер от разрыва сердца во время одной из остановок поезда на станции. Смерть эта очень огорчила Государя и Государыню и была в известном смысле роковою, ибо, я уверен, что несмотря на некоторую легкомысленность князя Лобанова-Ростовского, он был все-таки настолько опытный и культурный человек, что не допустил бы многих событий в нашей политике, которые так плачевно окончились и результаты коих мы переживаем теперь» [**Источник:** Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Том I. Берлин: Слово, 1922. с. 69 http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0040.shtml]

Снимок из архива Автора сайта, прислан кн. Н.Д. Лобановым-Ростовским. Позднее номер газеты “Le Petit Journal”, в которой был опубликован этот рисунок, передан Никитой Дмитриевичем в дар Ростовскому музею. О чём говорится в нижеследующем отрывке из статьи Елены Ким: “Внезапная смерть выдающегося дипломата, занимавшего «почётное место в ряду самых замечательных государственных людей России», вызвала глубочайшую скорбь во многих европейских странах. Газеты Австрии и Германии, Сербии и Болгарии, Австрии и Италии посвятили свои статьи и даже специальные приложения заслугам князя и выражению глубочайшей скорби по поводу его кончины. А ежедневная парижская газета “Le Petit Journal”, имевшая миллионный тираж, вышла с изображением сцены кончины министра на первой полосе. Сейчас эта газета хранится в Ростовском музее в составе дара Н.Д. Лобанова-Ростовского.

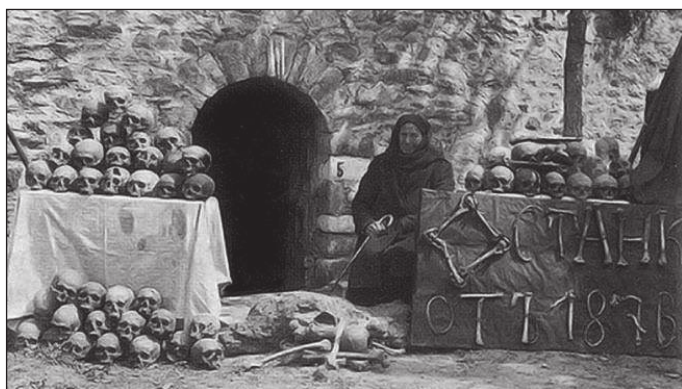
(Елена Клим. Из статьи «К 120-летию со дня смерти министра иностранных дел России А.Б. Лобанова-Ростовского». Русская народная линия.)

«Смерть в поезде» кн. А.Б. Лобанова-Ростовского

*Батакская резня.
Картина польского художника
Антония Пиотровского, 1876 г.*

*Марга Горанова, жена Николы Горанова – руководителя
Батакского восстания. Из костей выложена надпись
«Останки от 1876 года»*

*Останки жертв Батакской резни,
собранные в костнице церкви Св. Недели*

Один из ранних снимков церкви в Батак, 1878

Тем временем в России с осени 1875 года развернулось массовое движение в поддержку славянской борьбы, охватившее все общественные слои.

Вот Мак-Гахан, представивший в «Daily News» увиденное им зрелище «Батакской резни»: «Жатва гниёт на полях, а жнецы гниют здесь, в церковном дворе». (Человеческие скелеты, с ещё висевшими на них клочьями одежды и плоти, гнили в больших кучах, женские черепа с тянущимися по пепелищу волосами, разбросанные детские кости. Везде ужас, ужас и только ужас!). А вы, европейские державники, поддерживаете мнение, что статус-кво нужно сохранять, что подобное положение должно оставаться таким, как есть! Заявляю вам, что оно не будет продолжаться! Или вы должны найти другое решение Восточного вопроса, или же само разрешение найдёт вас» (То ли ещё можно сказать о сегодняшнем Восточном вопросе?! – N.V. Автора)

А Франция после Парижской коммуны? Альфонс де Ламартин умирает незадолго до восстания, но сумел посеять симпатию к тому благородному болгарину, который сторит в огне мятежа. Стоит повторить слова Виктора Гюго: «Когда прекратится истребление этого маленького героического народа? Настало время, чтобы цивилизация торжественно положила сему конец. Это предписание – положить конец преступлению – мы, народы, и объявляем правительствам». (Бедный олимпиец, Гюго! Если бы изрёк подобное в нашей сегодняшней франкофонской и евроцентричной Болгарии, с каким сладострастием измывались бы над ним специалисты по интеллектуальным правам: Твоё ли это дело протестовать, командовать правительствами и манипулировать общественным мнением? И легитимно ли само освобождение Болгарии при таком восприятии закона?)

А Италия, где бушует целое движение в защиту болгар. «Дорогие мои друзья, пишет Гарибальди, итальянский народ питает к вашему народу симпатии, заслуженные его несчастьями и героизмом. Я сокрушаюсь, что не могу лично принять участие в вашей борьбе. Желаю вам стойкости в вашей святой миссии. И остаюсь вашим Джузеппе Гарибальди».¹

Огромную работу проделали честные дипломаты и журналисты. Они доносили до Европы и всего мира фактические сведения – сигналы истины, воспламенившие Освободительную войну.

Никогда до этого и после болгары не были предметом такой огромной мировой любви, сострадания и восхищения. Никогда у болгар не было такого лобби на Олимпе. Болгария обрела крылья самых светлых земных надежд. Но, к сожалению, наш народ впал в состояние, которое помешало ему по-настоящему воспользоваться этим шансом. Да едва ли он и знал о нём.

Из всей поддержки, полученной тогда Болгарией, из всех вложенных в неё нравственных инвестиций, самой мощной была российская. Боюсь сказать, что больше других и растраченная.

¹ Батакская резня (болг. Баташко клане) – массовое убийство болгарского христианского населения совершенное в ходе подавления Апрельского восстания османскими нерегулярными войсками (башибузуками). Картина польского худ. Антония Пиотровского «Батакская резня» – с сайта: https://bg.wikipedia.org/wiki/Баташко_клане

Ростовский, выбирает Болгарию своей второй родиной. Какая награда ожидала его здесь, узнаем ниже.

Апрельское восстание и Русско-турецкая война сливаются для меня в одно событие как два последовательных действия долгой кровавой драмы. Восстание вызвало необычайно широкий отзвук во всем мире, проникнувший во все слои общества. Самые яркие личности того времени почли своим долгом выразить гневный протест против страданий нашего народа и встать на защиту болгарской свободы. Сопричастность интеллектуалов поразительна. Респектирует даже список их имён: Оскар Уайльд, Чарльз Дарвин, поэт Роберт Браунинг, историк и философ Томас Карлейль, философ Герберт Спенсер, Виктор Гюго, Джузеппе Гарибальди... Можно ли вообразить более блестящий венец из имён, увенчавший чело столь высокой и справедливой миссии?!

Поддержка российских умов и сердец – уникальна, ибо именно она и привела к мечтанному Третьему акту – Освобождению.

Можно привести сто верных соображений о том, что российский царизм преследовал и свои имперские интересы. Но ничто не сможет изменить истину – эта война по духу и результату была Освободительной.

Иван Сергеевич Тургенев отреагировал на Апрельское восстание стихотворением «Крокет в Виндзоре». Среди *«орáтаев жизненного поля России»*, сеявших семена сострадания к болгарскому народу и призывавших к Освободительной войне, видим имена Льва Толстого и Дмитрия Менделеева, Салтыкова-Щедрина и Николая Некрасова...

Но сейчас я хочу призвать в свидетели Фёдора Михайловича Достоевского. Открываю «Дневник писателя». Листаю... Июнь великого болгарского года... «Утопическое понимание истории»... А как раз и перед ним глава «Восточный вопрос». Вот вам, пожалуйста:

«...вспышка мусульманского фанатизма, а, наконец, ужасное избиение башибузуками и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей – всё это разом зажгло и двинуло войну. <...> Если бог пошлет славянам успех, то до какого предела в успехе допустит их Европа? <...> Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит честно – вот и весь ответ на вопрос <...> Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чём выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости...»

Достоевский необходим мне, чтобы понять мотивы войны, именно так, как их тогда понимали и самые просвещённые умы, и самые обыкновенные люди.

Мне думается, что эта война – торжество и победа одного исчезнувшего вида людей. Достоевский из этой же породы.

Очень скоро история надсмеялась над идеалами этих мечтателей. Страшной метафорой их гибели звучит стихотворение Тургенева, посвященное памяти Юлии Вревской:

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа. Она была в беспамятстве – и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка».

Далее, словно ощущая, что сам заразился этой повальной болезнью, Тургенев восклицает: *«Она была молода, красива... мужчины за ней волочились...»*

Почему же сделала своим высшим счастьем – помогать сирым?

Ещё в ходе войны и непосредственно за ней болгарская тема быстро мутировала. Запуталась в сетях мировой политики. Любопытство сменило сострадание. Немногие осознали, что с именем Болгария отождествляли свои собственные мечты о свободе и справедливости. Я бы даже сказал, что она стала одной из жертв войны. Россия первой поняла, что выиграв войну, она потеряла эту иллюзорную Болгарию и вновь осталась со своими нерешёнными социально-экономическими проблемами в придачу с растраченными на военные нужды 1 072 310 232 золотых рублей.

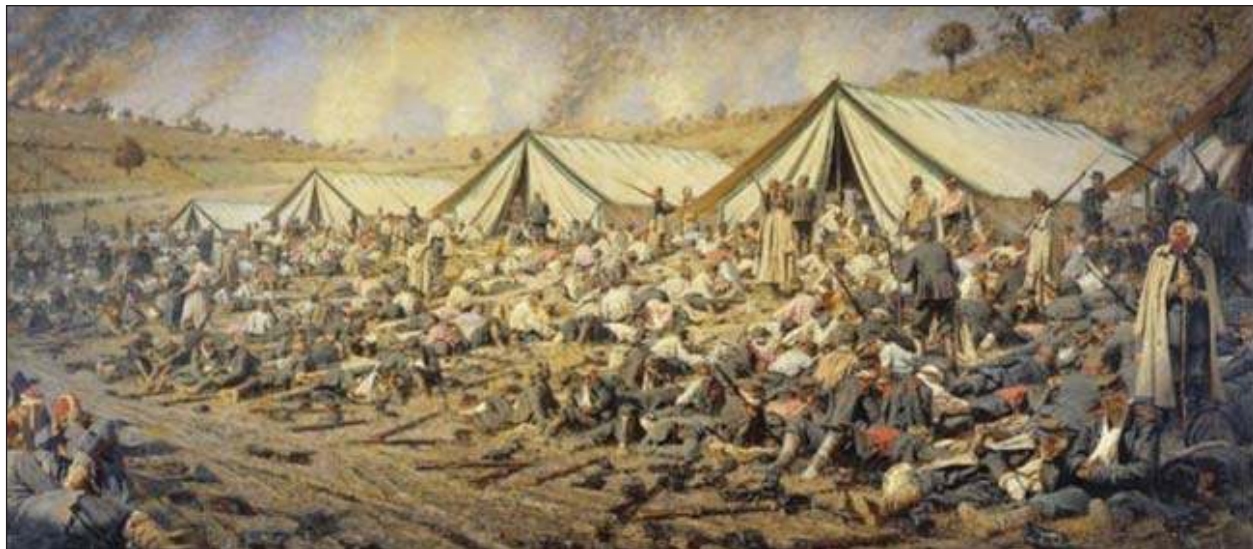
Озадачиваюсь, на чём поставить точку. Тема не закрывается...

Художников, участвовавших в Русско-турецкой войне, было больше, чем писателей. Николай Дмитриев-Оренбургский, Василий Поленов, Павел Ковалевский, Алексей Кившенко, Николай Карзин и другие. Бесспорно, имя Верещагина¹ – самое дорогое и значительное для нас.

Однажды, где-то в конце 70-х годов, Никита Лобанов рассказал мне историю, которая могла бы послужить точкой к моему повествованию. (К этому времени он уже стал вице-президентом американского «Уэллс Фарго Банк» и самым большим коллекционером произведений русских театральных художников). Оказалось, что у торговца картинами Третьякова, чья галерея находилась на Ист-57-ой

¹ После окончания штурма Плевны и Русско-турецкой войны Верещагин написал: *«Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии. В особенности холмы, окружающие Плевну, давая воспоминаниями – это сплошные массы крестов, памятников, ещё крестов и крестов без конца».* (Верещагин. Послание человечеству. 10 самых страшных картин художника: (<https://vtbrussia.ru/culture/rm/vereshchagin-poslanie-chelovechestvu>).

NB : Иллюстрации картин Верещагина заимствованы из публикации «Верещагин: послание человечеству»: (<https://vtbrussia.ru/culture/rm/vereshchagin-poslanie-chelovechestvu>)

*В. Верещагин. «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной». 1878– 1881 гг. Холст, масло.
Государственная Третьяковская галерея*

В. Верещагин. «На Шипке всё спокойно», триптих. 1878– 1879 гг. Холст, масло. Частные коллекции, Костромской государственной объединенный художественный музей

*В. Верещагин.
«Побежденные.
Панихида», 1879 г.
Холст, масло.⁵
Государственная
Третьяковская
галерея*

улице была выставлена картина Верещагина «На Шипке всё спокойно». Как известно, существует несколько её вариантов. Нью-йоркский – продавался за 5 тысяч долларов. Князь позвонил в болгарское посольство и сообщил его сотрудникам, что можно выгодно приобрести её. Написал он также в Национальную галерею в Софии и своему другу Любомиру Левчеву, члену ЦК болгарской компартии. Но на его предложение ответа не было.

– А почему ты сам не купил её, чтобы затем подарить Болгарии? Ведь как-никак она твоя родина?

Князь замолчал. Потом произнес:

– Я собирался это сделать, но раздумал... мне пришла в голову мысль: а вдруг я вручу эту картину, то есть сам отдам в руки, какому-нибудь убийце моего отца... И отказался от своего намерения¹.

Да, отец Никиты Лобанова-Ростовского – князь Дмитрий Иванович, хотя и был активным антифашистом, расстрелян в 1948 г. в таинственном концлагере под Пазарджиком, в котором содержались без вынесения приговора арестованные иностранные «враги народа».

Если мы действительно хотим быть справедливыми, эту и каждую подобную смерть нужно добавлять к тем 202,000 русским воинам, положенным Россией на алтарь Свободы Болгарии.

Когда убиваем живых людей, мы – обыкновенные убийцы.

А когда убиваем память о людях, пожертвовавших своею жизнью за свободу Болгарии, когда оскверняем их памятники или же безразлично смотрим на этот вандализм, возникает вопрос: КТО МЫ? Из всех человеческих грехов самый гнусный – НЕБЛАГОДАРНОСТЬ!

И все же Третий март продолжает оставаться самым национальным праздником Болгарии. День Освобождения – ТОГДА и НАВЕКИ!

*«Генерал М. Д. Скобелев на коне»,
худ. Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, 1883 г.*

¹ Эпилог этого эпизода – в ремарке Никиты Дмитриевича на рассказ Левчева: «Эта же картина Верещагина лет десять назад снова была выставлена на аукцион – на сей раз «Сотбис» в Лондоне. Продавалась она за миллион сто тысяч фунтов стерлингов. В коридоре зала я заметил мужчину, который участвовал в торгах. Он остановился на цене миллион и упустил картину. Я подошел к нему и сказал, что если его интересует именно сюжет картины, то могу предложить ему маленький эскиз к ней маслом, который Верещагин привёз в Нью-Йорк в 1902 г. Я знал, что ныне он продаётся у антиквара Рабиновича в Бруклине. Мой собеседник – болгарин Васил Бойков согласился его купить. Ныне картина находится в его собрании в Софии.